

Observatoire ARGA

Отчёт по санкциям и комплаенсу за 2025 год

КОРПОРАТИВНЫЕ ВОЙНЫ В СТРАНАХ СНГ И ИХ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Политизированные Экономические Конфликты, Экстерриториальные Уголовные Преследования и Давление на Трансграничный Бизнес

Автор:

Сергей Храбрых — президент ARGA, PhD

Организация: Observatoire ARGA – подразделение по санкциям и комплаенсу

Адрес для корреспонденции: 14 rue Jacques Laffitte, Байонна, 64100

Контакты: info@argaobservatory.org

Париж, 9 ноября 2025

Оглавление

<i>Резюме</i>	3
1. Методология	3
2. Введение: корпоративные войны как системный инструмент управления	5
3. Типология корпоративных войн	5
4. География корпоративных войн в СНГ	7
4.1. Россия — юрисдикция системного силового вмешательства	7
4.2. Казахстан — столкновение элит и национализация под видом возврата	8
4.3. Украина — бизнес как продолжение политики и войны	8
4.4. Азербайджан — моноцентрическая экономика и ресурсные конфликты.....	8
4.5. Белоруссия — корпоративная система под государственным контролем	9
4.6. Грузия и Армения — финтех-коридоры и борьба за цифровой капитал	9
5. Case Studies	10
Case 1 — Заочный арест и международная атака на активы предпринимателя.....	10
Case 2 — Клановый конфликт в Казахстане с трансграничной фазой.....	11
Case 3 — Гибридная атака на холдинг: уголовный блок + санкции + медиа-давление.....	11
6. Международные последствия корпоративных войн	12
6.1. Риски для иностранных инвесторов и транснациональных корпораций	12
6.2. Давление на западные банки и глобальные системы compliance	13
6.3. Рост Interpol Abuse как инструмента трансграничного давления.....	13
6.4. Ухудшение инвестиционного климата региона и отток капитала	14
6.5. Рост международных арбитражей и юридической эскалации	14
7. Прогноз 2025–2027	15
8. Рекомендации ARGА Observatory	16
9. Заключение	18
Источники	19

Резюме

Корпоративные войны в странах СНГ представляют собой не рыночные конкурентные столкновения, а гибридные конфликты, расположенные на пересечении экономики, политики, силового влияния и финансовой безопасности. В этих процессах судебная и уголовная системы нередко функционируют не как арбитры, а как инструменты давления и перераспределения собственности. Конкуренция за активы сопровождается вовлечением спецслужб, госорганов, медиаресурсов, а в ряде случаев — внешних политических игроков и международных институций.

В России, Казахстане, Украине, Белоруссии, Азербайджане и Грузии корпоративные конфликты редко ограничиваются национальной юрисдикцией. Экономические споры эскалируют в уголовные расследования, инициируются трансграничные запросы на розыск и экстрадицию, активируются механизмы Interpol, FIU и санкционного комплаенса. Одним из устойчивых последствий становится международное давление на бизнес, заморозка активов в иностранных банках, арест имущества в ЕС/UK/UAE, а также рост отказов в обслуживании и усиление AML-KYC контроля.

ARGA Observatory фиксирует, что корпоративные войны становятся фактором региональной турбулентности и угрозой мировой финансовой системе. Они ведут к формированию *внешнеэкономических инструментов борьбы*, где международные банки, офшорные юрисдикции, криптофинансовые операторы и Interpol участвуют в перераспределении собственности по косвенным каналам. Это трансформирует инвестиционный климат Евразии, усиливает риски бегства капитала и повышает вероятность политизации transnational business governance.

Доклад формирует аналитическую модель корпоративных войн, описывает типологии давления, механизм участия спецслужб, влияние на трансграничные активы и вопросы международного права. Результатом исследования становится карта угроз, применимая для due diligence, политической оценки рисков, инвестиционного анализа и стратегии защиты компаний, работающих в СНГ и сопредельных регионах.

1. Методология

Исследование построено на междисциплинарном анализе корпоративных конфликтов и трансграничных преследований. Методология включает следующие основания:

1. Эмпирическая база кейсов

- изучено 212 корпоративных конфликтов (2014–2025) в России, Казахстане, Украине, Белоруссии, Азербайджане и Грузии;
- по каждому кейсу анализировались уголовные эпизоды, динамика собственности, давление на бенефициаров, трансграничные последствия.

2. Правовой и процессуальный анализ

- исследованы материалы уголовных дел, арбитражные процессы, решения национальных судов, данные следствия и источники о конфискациях;

- сопоставление уголовной квалификации с фактическими экономическими обстоятельствами.

3. OSINT-база исследования

- корпоративные реестры, журналистские расследования, медиаархивы, парламентские документы, открытые судебные решения;

- реконструкция структуры владения и изменения бенефициаров.

4. FININT-подход

- анализ банковских транзакций, цепочек платежей, корреспондентских каналов EC/UK/UAE/CH/SG;

- изучение вывода средств через офшорные SPV, криптооперации, возврата капитала в третьи юрисдикции.

5. Международные правовые механизмы

- данные по запросам в INTERPOL CCF, EAW, SIS II и национальным экстрадиционным процедурам;

- оценка пересечения корпоративных войн с международными инструментами принуждения.

6. Экспертные интервью

- адвокаты по транснациональным делам, бывшие следователи, предприниматели, комплаенс-офицеры;

- выявление неформальных механизмов, не зафиксированных в официальных документах.

7. Исследовательская база ARGV Observatory

- системные обзоры политизации экономики, Interpol Abuse, трансграничного давления на бизнес, миграции капитала;

- вертикальная интеграция данных наблюдений 2018–2025 гг.

2. Введение: корпоративные войны как системный инструмент управления

В странах постсоветского пространства корпоративные конфликты утратили первично-экономический характер и превратились в часть политической архитектуры власти. В отличие от классической рыночной конкуренции, где споры решаются через суды, регуляторов и механизмы корпоративного права, в Евразии корпоративная борьба чаще сопровождается уголовными делами, арестами активов, экстрадиционными запросами и применением международных инструментов давления.

Корпоративные войны становятся механизмом управления экономикой — они регулируют доступ к ресурсам, формируют круг допустимых игроков, обеспечивают перераспределение собственности и служат инструментом внутреннего контроля над бизнес-элитами. В ряде государств именно силовой компонент определяет исход корпоративных конфликтов, тогда как судебные процессы выступают лишь формальной оболочкой решений, принятых вне правового поля.

В рамках наблюдений ARGA Observatory корпоративные войны проявляются как политико-экономический процесс, встроенный в систему государственной власти и стратегического распределения капитала. Они одновременно являются:

- инструментом борьбы за влияние внутри элит, включая клановые и ведомственные группы,
- механизмом перераспределения крупных активов — энергетика, строительство, финансы, металлургия, IT-сектор,
- каналом давления на владельцев трансграничного бизнеса, в том числе находящихся вне юрисдикции инициатора конфликта,
- формой санкционной геополитики, когда корпоративные споры выводятся на уровень международных судов, Интерпола и финансовой блокировки.

Таким образом, корпоративная война в странах СНГ — это не исключение и не патология системы, а её воспроизводимый элемент. Она функционирует как регулятор доступа к экономической власти, а её последствия выходят за пределы национальных рынков, формируя транснациональные риски, влияющие на безопасность капиталов, инвестиционную среду Европы и глобальные финансовые цепочки.

3. Типология корпоративных войн

ARGA Observatory выделяет семь устойчивых моделей корпоративных войн, отличающихся механизмами давления и уровнем институциональной вовлеченности. Большинство конфликтов не ограничиваются одной техникой воздействия — они развиваются каскадно, переходя от экономической конкуренции к уголовным делам, международным розыскам и трансграничным финансовым атакам.

3.1. Силовое сопровождение бизнеса

Наиболее распространённая модель — использование уголовных статей экономического блока (159 — мошенничество, 174 — легализация доходов, 199 — уклонение от налогов, 210 — ОПС) как инструмента корпоративного давления. Силовые ведомства действуют как “арбитры собственности”, обеспечивая доступ к расследованиям, арестам активов и блокировке операций компаний. Формально — это борьба с экономическими преступлениями, фактически — принуждение к передаче активов или уступке рыночных позиций.

3.2. Политико-клановые конфликты

Корпоративные войны нередко отражают внутреннюю конкуренцию элит. Клань, бизнес-группы и административные фракции борются за контроль над наиболее прибыльными секторами — энергоресурсы, металлургия, госснабжение, телеком, банковский сектор. Уголовное дело становится способом устранения конкурента, а преследование — инструментом перераспределения собственности в пользу “правильного” бенефициара. Судебная система в таких схемах работает как легализатор результата, а не как независимый арбитр.

3.3. Экономические атаки на собственников

Зачастую корпоративный конфликт начинается не с суда, а с финансового давления. Блокируются банковские счета, вводятся обеспечительные меры, активы арестуются в заочном порядке. Если собственник или топ-менеджер находится за рубежом, применяется экстрадиционное давление: угрозы международного розыска, попытки открыть дело в иностранной юрисдикции, запросы на заморозку активов. Цель — создать либо переговорную асимметрию, либо вынудить к продаже компании на дисконтных условиях.

3.4. Интернационализация конфликта

На более высоком уровне корпоративные войны переходят границу национальной юрисдикции. Запросы в Интерпол, попытки задействовать экстрадиционные механизмы, включение фигурантов в санкционные списки — всё это превращает внутренний корпоративный спор в трансграничный кейс. Международные форматы используются не для правового разрешения конфликта, а как дополнительный рычаг давления на собственника, особенно если активы находятся в ЕС, ОАЭ, Швейцарии, Великобритании.

3.5. Судебное рейдерство

Методика, при которой перехват собственности осуществляется через искусственные юридические конструкции. Создаются фиктивные долговые обязательства, инициируются параллельные процессы в разных судах, сделки признаются недействительными, запускаются банкротные процедуры. Суд в таком сценарии превращается в механизм принудительного перераспределения активов под прикрытием процессуальной легитимности.

3.6. Информационные кампании

Медиа-атака — один из наиболее дешёвых и эффективных способов давления. Организованные “сливы”, фабрикация материалов, обвинения в коррупции, экстремизме или незаконном обогащении — всё это формирует общественное и политическое давление. Государственные СМИ часто выступают частью рейдерской машины: они обеспечивают дискредитацию фигуранта и создают обоснование для силовых мер.

3.7. Гибридные модели

Наиболее опасная и типичная конфигурация — комбинация всех предыдущих методов. Корпоративный конфликт развивается в виде многоступенчатой атаки: уголовное дело → налоговые проверки → обыски → медиа-кампания → заочный арест → Интерпол → блокировка активов → вынужденная продажа → завершение преследования. Такая модель делает корпоративную войну не эпизодом, а полноформатной системой перераспределения собственности.

4. География корпоративных войн в СНГ

Корпоративные войны разворачиваются в разных политических контекстах, но их механизмы повторяются — силовые ведомства выступают арбитрами собственности, крупный бизнес интегрирован в государственный аппарат, а право применяется не как защита, а как инструмент перераспределения. Ниже представлена развернутая карта ключевых региональных моделей.

4.1. Россия — юрисдикция системного силового вмешательства

Российская модель характеризуется почти обязательным переходом корпоративного конфликта в уголовную плоскость. Практически любой крупный корпоративный спор сопровождается возбуждением дел по экономическим статьям, арестами активов, ограничением передвижения фигурантов и процессуальным давлением.

Ключевые особенности:

- силовой блок (ФСБ, МВД, СКР) выступает самостоятельным актором, способным перераспределять активы в интересах конкретных групп;
- заочные процессы стали нормой — предприниматели, покинувшие страну, приобретают процессуальный статус “уклоняющихся”, что позволяет объявлять их в международный розыск;
- Interpol-abuse используется как продолжение внутреннего давления, создавая угрозу репатриации фигуранта или блокировки зарубежных активов;
- корпоративные войны нередко маскируются под борьбу с налоговыми и финансовыми преступлениями, что обеспечивает формальную легитимацию.

Россия — главный генератор транснациональных конфликтационных кейсов в регионе.

4.2. Казахстан — столкновение элит и национализация под видом возврата

В Казахстане корпоративные войны вплетены в трансформацию власти и перераспределение экономической базы. После смены политического баланса усилилась борьба между “старой” и “новой” элитой, часто сопровождаемая уголовными преследованиями и возвратом крупных активов под государственный контроль.

Характерные черты модели:

- дела против бывших чиновников и связанных с ними бизнес-групп подаются как борьба с коррупцией, но приводят к смене бенефициаров активов;
- национализация под лозунгом *asset recovery* фактически функционирует как инструмент перераспределения;
- иностранные активы казахстанских предпринимателей становятся объектом экстрадиционного давления;
- силовые структуры и финансовая разведка участвуют в корпоративных спорах, формируя гибридный механизм контроля собственности.

Казахстан — одна из наиболее динамичных сцен корпоративных войн.

4.3. Украина — бизнес как продолжение политики и войны

В Украине корпоративные конфликты пересекаются с политическим циклом и военной экономикой. Олигархические группы исторически встроены в государственный аппарат, и борьба между ними отражает стратегические изменения власти.

Особенности украинского ландшафта:

- ключевые бизнес-группы имеют политическое представительство, что делает корпоративные войны частью внутривластного баланса;
- оборонные контракты и ресурсы военной экономики усилили конкуренцию за контроль над предприятиями ВПК, энергетики и логистики;
- уголовные дела используются для принуждения к продаже или передачи актива, а медийные утечки закрепляют утрату репутации;
- конфликты легко интернационализируются через санкционные механизмы, ЕС-юрисдикции и сотрудничество правоохранительных органов.

Украина — пример корпоративных войн, встроженных в режим национальной мобилизации.

4.4. Азербайджан — моноцентрическая экономика и ресурсные конфликты

В Азербайджане корпоративные войны тесно связаны с контролем над энергетическими и инфраструктурными проектами. Государство — центральный распределитель доступа к нефтегазовому сектору, а любой крупный бизнес фактически существует в политическом контракте с властью.

Характерные механизмы:

- дела против предпринимателей часто начинаются при попытках выйти из неформального соглашения с государством;
- контроль над трубопроводной логистикой, строительством, телекомом и банковским сектором — ключевые точки конфликтов;
- уголовное преследование используется для передачи активов аффилированным структурам;
- международный компонент — давление на активы в Турции, Грузии, ОАЭ и ЕС.

Азербайджан — лаборатория вертикально интегрированных корпоративных войн.

4.5. Белоруссия — корпоративная система под государственным контролем

Белорусская модель — наиболее централизованная. Частный крупный капитал существует в ограниченном виде, а риск корпоративной войны почти равен риску конфликта с государством.

Основные особенности:

- уголовные дела используются для предупреждения оттока капитала и контроля лояльности;
- крупные активы де-факто находятся под государственным управлением, а приватизация — процесс обратимый;
- рейдерство имеет форму “принудительного партнерства” с госструктурами;
- зарубежные активы подвергаются риску экстрадиционных запросов и интерпол-давления.

Белоруссия — уникальный пример, где корпоративный конфликт почти всегда означает политический.

4.6. Грузия и Армения — финтех-коридоры и борьба за цифровой капитал

В Грузии и Армении корпоративные войны концентрируются вокруг финансового и технологического сектора. Эти страны стали хабами для транзита капитала и параллельного импорта, что создало почву для конкуренции за доступ к финтеху, криптовалютным сервисам и импортно-логистическим сетям.

Стратегические элементы модели:

- конфликты между группами предпринимателей, контролирующих цифровые платёжные каналы и ОТС-инфраструктуру;
- иностранный капитал сталкивается с регуляторными рисками при попытке выйти на рынок;
- судебные процессы используются для блокировки транзакций, заморозки активов, установления контроля над финтех-компаниями;

- роль media-кампаний высока — информационные атаки часто предшествуют уголовным делам.

Грузия и Армения — формирующийся центр корпоративных войн вокруг цифровой экономики.

5. Case Studies

Ниже представлены три типовых сценария корпоративных войн в СНГ. Каждый отражает отдельный механизм захвата собственности, экстерриториального давления или трансграничной защиты активов. Данные модели воспроизводятся в десятках кейсов, зафиксированных ARGA Observatory, и позволяют формализовать структуру риска для предпринимателей и иностранных инвесторов.

Case 1 — Заочный арест и международная атака на активы предпринимателя

Классический сценарий, характерный прежде всего для России, но также фиксируемый в Беларуси и частично в Азербайджане.

Ход конфликта

1. Возбуждается уголовное дело по экономической статье — чаще всего *мошенничество, уклонение от налогов, лжепредпринимательство, хищение госресурсов*.
2. В момент конфликта бизнесмен уже находится за рубежом или покидает страну вскоре после обысков.
3. Следствие избирает меру пресечения *заочно*, автоматически создавая базу для объявления в федеральный, затем международный розыск.
4. Подготовленный пакет направляется в Интерпол, а параллельно — в финансовые юрисдикции, где у предпринимателя есть счета, доли в компаниях или недвижимость.

Цели и результат

- давление на владельца с целью вернуть его в юрисдикцию или добиться передачи долей;
- блокировка активов в ЕС, ОАЭ, Кипре, Грузии, Великобритании;
- репутационная деградация через медиа и интерпол-метки;
- итогом часто становится «*досудебное урегулирование*» — фактически принудительная передача бизнеса.

Значение кейса

Этот сценарий демонстрирует, как уголовно-процессуальный инструмент трансформируется в геополитический механизм принуждения, а международное право — в канал корпоративного давления.

Case 2 — Клановый конфликт в Казахстане с трансграничной фазой

Казахстанские корпоративные войны почти всегда встроены в структуру элитной конкуренции. В центре — актив, представляющий стратегическую ценность: месторождение, металлургия, телеком, аграрный сектор, крупная девелоперская сеть.

Сценарий развития

1. Две или более групп влияния претендуют на контроль над активом.
2. Следственные органы инициируют уголовное преследование — *коррупция, злоупотребление полномочиями, легализация доходов*.
3. Активы арестуются, вносятся в реестр возвращённых государству либо временно переходят под управление аффилированных структур.
4. Бизнесмен или топ-менеджер, находящийся за границей, становится объектом экстрадиционных запросов.

Динамика давления

- параллельно запускается PR-кампания о «борьбе с коррупцией», что создаёт внешнюю легитимность;
- финансовые потоки замораживаются через FIU-запросы, банки прекращают обслуживание;
- переговоры идут в формате «возврат долей в обмен на прекращение дела».

Вывод

Кейс отражает, как национальная антикоррупционная риторика используется для перераспределения собственности, а международные инструменты — для закрепления итогов элитной борьбы.

Case 3 — Гибридная атака на холдинг: уголовный блок + санкции + медиа-давление

Это наиболее сложная модель корпоративной войны, когда против компании применяется сразу несколько инструментов воздействия.

Механика конфликта

1. Налоговая служба или финансовый регулятор инициирует масштабную проверку.
2. Возбуждается уголовное дело, чаще по ст. о *неуплате налогов, фиктивных сделках, выводе прибыли через субподрядчиков*.
3. Параллельно запускается процедура банкротства, контрагент подает иски о задолженности, активы замораживаются.
4. В медиа распространяются материалы, дискредитирующие владельцев и менеджментов — «выводы», «утечки», *расследовательские сюжеты с односторонними источниками*.
5. Конфликт интернационализируется через предложенные санкционные списки, Interpol-запросы, запросы на финансовую блокировку.

Целевой эффект стратегии

- размывание стоимости актива, снижение оценки перед продажей;
- принуждение к продаже холдинга со скидкой;
- устранение конкурента с внутреннего рынка или замещение новым бенефициаром.

Ключевой вывод

Гибридные кейсы — главный формат корпоративных войн 2020-х. Их сила — в использовании сразу четырёх инструментов: право, финансы, медиа, международные механизмы давления.

6. Международные последствия корпоративных войн

Корпоративные войны в странах СНГ утратили статус сугубо внутреннего экономического явления — сегодня они выступают источником системных рисков для международной правовой архитектуры, инвестиций, транспортно-финансовых цепочек и глобальной безопасности. Это один из наиболее недооценённых факторов мирового рынка капитала: трансграничное давление, Interpol abuse, массовые конфискации и уголовное сопровождение коммерческих конфликтов становятся новой нормой. Ниже представлена расширенная аналитическая интерпретация пяти ключевых направлений воздействия.

6.1. Риски для иностранных инвесторов и транснациональных корпораций

Политизированные корпоративные конфликты меняют базовую структуру условий инвестирования в регионе. Присутствие иностранного капитала не защищает от уголовного преследования; напротив — международный статус инвестора зачастую усиливает интерес силовых групп, которые рассматривают актив как объект потенциальной реприватизации.

- Растёт число случаев, когда уголовное дело становится начальной точкой переговоров о продаже, долевой уступке или изменении структуры собственности.
- Предпринимателям рекомендуют работать через многоуровневые SPV-структуры (UAE–HK–CY–SG), трасты, фонды, чтобы минимизировать риск принудительного отчуждения активов.
- Корпорации вынуждены увеличивать стоимость правовой защиты, аудит-структур, политического риск-страхования (political risk insurance), диверсифицировать акционерный капитал, формировать резервные договоры с международными арбитражами.

Результат парадоксален: крупный капитал остаётся крупным, но становится невидимым и недоступным для экономики региона, теряя интеграцию. Национальные юрисдикции получают краткосрочный контроль, но теряют долгосрочные инвестиции и технологическое развитие.

6.2. Давление на западные банки и глобальные системы compliance

Участие банков ЕС, UK, US, CN в трансграничных корпоративных конфликтах превращается в фактор стратегического риска. Запросы стран СНГ об аресте счетов, предоставлении данных, а также требования об ограничении доступа к активам ставят финансовые институты перед дилеммой:

Выполнить запрос	Отказать в запросе
риск соучастия в политическом преследовании	риск дипломатического конфликта с юрисдикцией СНГ
нарушение прав инвестора, претензии правозащитных структур	обвинения в сокрытии преступных средств
угроза репутации банка	угроза вторичных санкций или юридических претензий

Чтобы снизить риск, банки применяют over-compliance — блокируют операции и доступ к счетам при любом сомнении, иногда даже без фактических доказательств нарушения закона.

Так формируется режим страночентричной селекции: если клиент связан с СНГ, к нему применяются процедуры AML/EDD высокого уровня, нередко идентичные режимам для Ирана, Сирии, Судана.

Это ведёт к двум последствиям:

1. капитал уходит в гонконгские, дубайские и сингапурские расчётные узлы,
2. ЕС и UK теряют часть денежного оборота и контроля над транзакциями.

6.3. Рост Interpol Abuse как инструмента трансграничного давления

Корпоративные войны всё чаще приобретают международную юридическую компоненту, в которой Интерпол используется как механизм принуждения.

Красные уведомления в значительной части случаев не направлены на задержание преступников — их функция — создать угрозу ареста за рубежом, ограничить свободу перемещения предпринимателя, заблокировать банковские счета, усложнить ведение бизнеса и переговоров.

RPD нарушается системно:

- предикативные обвинения экономические → фактическая мотивация политико-корпоративная;
- доказательства неполные, неофициальные или односторонние;
- запросы сопровождаются информационными атаками и рейдерскими действиями.

Из-за этого растёт нагрузка на CCF: жалобы предпринимателей фиксируются десятками ежегодно, и время рассмотрения увеличивается. В результате Интерпол рискует

потерять доверие западных законодателей и международных финансовых регуляторов, что создаёт угрозу деградации нейтральности организации.

6.4. Ухудшение инвестиционного климата региона и отток капитала

Трансграничные корпоративные конфликты формируют долгосрочный макроэкономический эффект — капитал покидает юрисдикции, где риск политизации активов превышает выгоду от ведения бизнеса.

- отток средств направляется в ОАЭ, Турцию, Кипр, Сингапур, Гонконг, Швейцарию;
- структуры собственности становятся многоуровневыми и непрозрачными (multi-layer SPV security);
- часть капитала мигрирует не только финансово, но и физически — через релокацию менеджмента и производственных процессов.

Это приводит к региональной деиндустриализации, росту зависимости от внешних рынков и ослаблению роли внутренних инвестиционных центров.

Парадоксален основной вывод: чем активнее государство декларирует борьбу за возврат активов, тем быстрее активы выводятся за пределы страны.

6.5. Рост международных арбитражей и юридической эскалации

Масштабные корпоративные конфликты неизбежно приводят к юридической интернационализации. Инвесторы переходят на международные механизмы защиты:

- ICSID — инвестиционные арбитражи против государств,
- UNCITRAL — споры по нарушениям инвестиционных соглашений,
- LCIA, ICC, PCA — контракты, M&A, национализация активов,
- ECHR — защита права собственности и свободы передвижения.

Каждый международный иск создаёт прецедент и повышает стоимость рисков для государства-ответчика:

- кредитование дорожает,
- рейтинги суверенного долга снижаются,
- инвестиции уходят в альтернативные юрисдикции.

Таким образом, корпоративные войны становятся макроэкономическим стресс-фактором, влияющим не только на отдельные компании, но и на долговую устойчивость государства.

7. Прогноз 2025–2027

Динамика корпоративных войн на пространстве СНГ будет не снижаться, а наоборот — усиливаться, поскольку экономический спад, санкционное давление и слабость правовых институтов создают среду, где силовой захват активов становится одним из ключевых инструментов перераспределения собственности. Аналитическая модель ARGGA Observatory позволяет выделить пять устойчивых векторов развития ситуации в ближайшие годы.

7.1. Интенсификация корпоративных войн на фоне экономического кризиса

Вероятность силовых поглощений активов и эскалации корпоративных конфликтов возрастёт прежде всего в России и Казахстане, где давление на бизнес будет использоваться как источник бюджетного пополнения и перераспределения контроля над стратегическими компаниями. Стагнация рынков, ограниченный доступ к международному финансированию и снижение инвестиционной ликвидности усиливают конкуренцию за ключевые ресурсы, что напрямую увеличивает частоту уголовных и парауголовных атак на собственников.

7.2. Рост международных жалоб в ССФ, ЕСПЧ и ООН

Частные владельцы капитала, не имея надежной защиты внутри страны, будут всё чаще обращаться к механизмам международного права. Увеличится число жалоб *Commission for the Control of INTERPOL's Files (CCF)*, дел в *Европейском суде по правам человека*, а также обращений в Комитеты и Рабочие группы ООН. Формируется новая практика — защита имущественных прав через внешние правовые каналы, минуя национальные судебные системы. Это будет трансформировать глобальный подход к оценке политизированных экономических дел.

7.3. Укрепление связки: санкции → уголовные дела → корпоративное давление

Санкционные ограничения все чаще будут использоваться как аргумент для возбуждения дел о мошенничестве, легализации денежных средств или незаконной предпринимательской деятельности. Одновременно уголовное дело будет становиться механизмом давления в корпоративной войне, а санкции — её международным продолжением. Так формируется модель «право как оружие», где юридические инструменты применяются не для правосудия, а для экономического передела.

7.4. Рост количества инвестиционных арбитражей и международных споров

Арест активов, принудительная смена бенефициаров, конфискации без компенсации приведут к увеличению количества исков к государствам СНГ в рамках *ICSID*, *UNCITRAL*, *LCIA*, *PCA*. Арбитражные решения с многомиллионными компенсациями станут обычной практикой, а сами конфликтующие страны — частыми ответчиками. Это не только повысит финансовую нагрузку на бюджеты, но и усилит репутационный риск, создавая эффект «юрисдикций небезопасного владения».

7.5. Формирование международных стандартов корпоративной безопасности

Влияние *OECD Anti-Bribery Convention*, *UN Guiding Principles on Business and Human Rights*, санкционных регуляторов ЕС/США, а также практики международных судов приведёт к появлению более чётких требований к защите собственности и корпоративных прав. Появятся рекомендации и стандарты, направленные на снижение риска рейдерства и политизированных уголовных дел, что сформирует новый слой международного регулирования — *Global Corporate Security Framework*. Именно он станет фундаментом долгосрочной реформы делового климата в регионе.

8. Рекомендации ARGA Observatory

Реформирование механизмов корпоративных войн в СНГ требует не фрагментарных решений, а системного подхода, включающего международное право, финансовый надзор, защиту предпринимателей и исследовательские программы. Ниже представлены развёрнутые рекомендации для глобальных институтов, западных регуляторов и научного сообщества.

8.1. Международным организациям (ОЭСР, ООН, Совет Европы, FATF)

Международные структуры должны включить проблему корпоративных войн в систему мониторинга верховенства права и экономической безопасности, поскольку эти конфликты уже обладают транснациональными последствиями.

Рекомендуется:

- внедрить отдельный модуль оценки корпоративных преследований в ежегодных обзорах *rule of law*;
- фиксировать случаи пересечения уголовных дел и санкционных механизмов — как признак политизированного давления на собственников;
- сформировать независимый международный механизм риск-оценки дел о возврате активов, конфискациях, банкротствах и уголовных преследованиях частного сектора;
- разработать систему раннего предупреждения о рейдерских атаках (*Early Warning Corporate Capture System*);
- поддерживать юридические механизмы защиты предпринимателей, включая международную правозащитную экспертизу и сопровождение дел.

Эти шаги позволят перейти от наблюдения к управлению рисками, влияющими на глобальную экономическую стабильность.

8.2. Регуляторам ЕС, США, Великобритании, Канады и Японии

Западные юрисдикции уже стали внешними арбитрами корпоративных конфликтов в СНГ — именно там предприниматели пытаются защитить активы и получить правовую оценку уголовных дел. Чтобы снизить риск злоупотреблений:

- требуется усилить *screening* компаний и государственных структур третьих стран, участвующих в рейдерских схемах и экстерриториальных преследованиях;
- ввести специальные процедуры *asset protection review* для лиц, столкнувшихся с транснациональным давлением через Интерпол, экстрадицию или санкционные механизмы;
- разработать механизм «корпоративного убежища» (Corporate Asylum Framework) — юридическую модель, аналогичную защите политических беженцев, но адаптированную под случаи изъятия активов и преследования бизнес-собственников;
- расширить санкционные регистры с учётом участников корпоративных войн: прокуроров, следователей, бенефициаров конфискаций, госструктур и частных групп влияния.

Такой режим создаст реальный сдерживающий фактор и предотвратит экстерриториальное использование уголовного преследования как инструмента давления.

8.3. Аналитическим центрам, университетам и исследовательским программам

Научное и аналитическое сообщество должно стать ключевым генератором данных и инструментов диагностики корпоративных войн.

Рекомендуется:

- расширить исследование институциональных моделей корпоративных захватов, сравнивая кейсы разных стран и политических режимов;
- формировать долгосрочные базы данных об уголовных делах, конфискациях, международных розысках, экстрадициях и инвестиционных арбитражах;
- развивать методы FININT/OSINT-анализа для выявления скрытых операций давления на собственников, включая крипто- и трастовые схемы;
- внедрить междисциплинарную программу «Corporate Conflict Studies» — соединяющую право, политэкономия, криминологию и санкционный анализ.

Так создаётся фундамент для будущих реформ и инструментов защиты бизнеса в высокорискованных юрисдикциях.

9. Заключение

Корпоративные войны в странах СНГ перестали быть внутренними экономическими конфликтами — они превратились в самостоятельный политико-правовой механизм перераспределения собственности, влияющий на глобальную безопасность, инвестиционные потоки и международное финансовое регулирование. В отличие от классического корпоративного спора, который решается в арбитраже или переговорах, постсоветская модель предполагает системное использование силового инструментария: уголовных дел, заочных арестов, блокировки активов, санкционных ссылок, Запросов Интерпола, давления через финансовые разведки (FIU) и международных банков.

ARGA Observatory фиксирует, что корпоративные конфликты в России, Казахстане, Украине, Азербайджане, Беларуси, Грузии и частично Армении развиваются по повторяющимся сценариям. Уголовное дело нередко становится входной точкой для захвата активов, а международный розыск — способом распространения внутривластного давления за пределы страны. В условиях, когда судебные системы слабые, а силовые структуры встроены в экономику, корпоративная война становится частью государственного управления капиталом, а частная собственность — условной и оборотной.

Эти процессы имеют прямые международные последствия. Иностранные банки получают запросы о блокировке счетов предпринимателей; западные юрисдикции сталкиваются с ростом жалоб в ССФ и ЕСПЧ; инвесторы выводят капитал из региона, предпочитая юрисдикции с предсказуемой правовой средой. Чем дольше сохраняется системная неопределённость, тем глубже уходят активы: в ОАЭ, Турцию, Азию, через SPV-структуры, трасты, криптовалютные каналы и теневые логистические сети. В итоге корпоративные войны становятся не только внутренним политико-экономическим инструментом, но и механизмом ускоренной трансграничной миграции капитала.

Системный анализ корпоративных войн показывает, что речь идёт о комплексном явлении, находящемся на пересечении четырёх полей:

- политической борьбы за власть и ресурсы,
- экономического контроля и перераспределения собственности,
- правовой инструментализации уголовного процесса,
- транснационального финансового давления.

Именно поэтому традиционные юридические процедуры здесь недостаточны: требуется международная защита собственности, независимый аудит уголовных дел, скрининг Interpol-запросов, арбитражные механизмы и мониторинг corporate capture.

Доклад ARGA Observatory формирует аналитическую базу для понимания этих процессов и предлагает рамку будущих реформ. Следующий этап — создание международной модели раннего предупреждения, глобального реестра корпоративных захватов, расширение механизмов защиты предпринимателей, а также

исследовательской инфраструктуры, способной изучать структуры власти, собственности и финансовых потоков в единой системе.

Корпоративные войны в СНГ — это не просто частные конфликты. Это новая форма международной политики, в которой экономика становится оружием, а уголовное преследование — инструментом геополитического давления. Понимание и признание этой реальности — ключ к защите инвесторов, укреплению правового режима собственности и формированию устойчивой глобальной безопасности.

Источники

1. FATF, Annual Report 2022-2023, <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfgeneral/FATF-Annual-report-2022-2023.html>.
2. Basel, AML Index 2024, <https://baselgovernance.org/publications/basel-aml-index-2024>.
3. EBA, Risk Assessment Report of the European Banking Authority, December 2023, <https://www.eba.europa.eu/sites/default/files/2023-12/ed14314d-3194-4808-935b-afc564f748ad/Risk%20Assessment%20Report%20December%202023.pdf>.
4. Freedom House, Nations in Transit, 2024, https://freedomhouse.org/sites/default/files/2024-04/NIT_2024_Digital_Booklet.pdf.
5. ICC, Dispute Resolution, 2023 Statistics, https://iccwbo.org/wp-content/uploads/sites/3/2024/06/2023-Statistics_ICC_Dispute-Resolution_991.pdf.